

УДК 65

ББК 60.822

DOI 10.22394/1682-2358-2019-1-68-77

S.M. Fedyunina, Doctor of Sciences (Sociology), Head of the Social Communications Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

A.V. Fedorova, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

MANAGEMENT OF RISKS AND COMMUNICATION PRACTICES OF MODERNITY

The process of managing risks and communication practices in the context of modernity is analyzed. Communicative practices that play the role of external and internal content of the risk management process in the current situation are considered. For the studies of the connectedness of risks and communicative practices of our time, the methodology and discursive practices of John Law are used.

Key words and word-combinations: communications, risks, management, modernity, John Law.

С.М. Федюнина, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: smf777@bk.ru)

А.В. Федорова, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: anna_fedorova_76@list.ru)

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ И КОММУНИКАТИВНЫМИ ПРАКТИКАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Анализируется процесс управления рисками и коммуникативными практиками в контексте современности. Рассматриваются коммуникативные практики, выступающие в роли внешнего и внутреннего контента процесса управления рисками в современной ситуации. Для исследований связанности рисков и коммуникативных практик современности использована методология и дискурсивные практики Джона Ло.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникации, риски, управление, со-временность, Джон Ло.

Внешним контекстом процессов управления рисками и коммуникативными практиками выступает современность, ее уникальные и инвариантные характеристики. Коммуникативные практики — это стремления и установки акторов совре-

менной реальности, которые выстраивают диалог с современностью и непрерывно совершенствуют его с помощью собственных действий в условиях грамотного управления рисками. Коммуникативные практики интерпретируются в традиции Ю. Хабермаса, где используются модели коммуникативного действия [1, с. 324–340]. Коммуникативные практики — это действия, главными интенциональными установками которых являются ориентация на взаимопонимание и согласие. Они включают в себя процесс соотнесения с фоновыми практиками жизненного мира и с различными сферами референций (знаниями, нормами, оценками и чувствами). Соответственно, для осуществления эффективного управления коммуникативными практиками необходимо формировать и развивать условия и ресурсы для взаимопонимания акторов, смысловые референции (претензии на значимость), структуры диалога, разноплановые понимания современности, нормативные структуры действий, культуру позиционирования и эмоциональный интеллект, интуиции и чувственную сферу современных акторов. С процессами формирования и развития структур коммуникативных действий связаны риски, понимаемые как совокупность возможностей, открывающихся акторам коммуникативных практик в границах современности. Необходимо учитывать вероятностный (контингентный) характер отношений между управлением рисками и коммуникативными практиками. С одной стороны, управление рисками служит фоновыми практиками по отношению к коммуникациям. С другой стороны, управление рисками встроено в коммуникативные практики.

В процессе управления рисками необходимо выстраивать структуры коммуникативных действий, проводить системную рефлекссию, на основе которой планируется осуществлять управление. Управление рисками — это сложный, открытый, нелинейный и современный процесс реализации риск-стратегий — снижения, повышения, принятия и распределения рисков. Рассмотрим современные риски системно, то есть ситуацию, процесс, событие и действия акторов, направленные на преодоление неопределенности, сложности и разнообразия, возникающие в современном мире, последствиями которых могут стать угрозы, опасности и ущерб или новые тренды, возможности, перспективы. Риск, анализируемый в качестве ситуации риска, включает в себя источники рисков, они носят общий и фундаментальный характер. Условия рисков вытекают из источников риска и детерминированы ими, они более конкретны. Факторы рисков, определяющиеся из условий рисков, специфичны и детальны, относятся либо к акторам, либо к их деятельности. Субъекты риска — это акторы, занимающие активные позиции по отношению к стратегиям управления рисками, принимающие на себя ответственность за риски. Объекты рисков представляют собой акторов, выполняющих пассивную роль по отношению к рискам. Виды рисков, включающие систему действий акторов, позиции и роли, а также прогнозируемые последствия, определяют стратегии рисков, выстраиваемые по формуле «что необходимо предпринять... и для чего...» [2].

Для современной ситуации недостаточно, на наш взгляд, определять риски как произведение вероятности того или иного события на возможный ущерб

от него. Текстуры страхов, надежд, радости не схватываются академическими методами исследований. В каждом элементе риска присутствует эсхатологическая составляющая, надежда на «спасение в последний момент». В рисках в явной или неявной форме выражена установка акторов на то, что несмотря на возможные неблагоприятные исходы, может быть, удастся преодолеть их при благоприятных исходах и событиях [3]. В этой надежде присутствуют не только установки и настроения, но и коммуникативные действия — желание договориться с самой сложной из всех видов реальностей — повседневной реальностью. Эффективность коммуникативных практик определяется подобием сложности, нелинейности, слабой прогнозируемостью событий и феноменов современности акторами, осуществляющими коммуникативные взаимодействия.

Контингенции, существующие между коммуникативными практиками и рисками, проявляют себя в амбивалентности рисков. Интерпретации современных рисков в качестве угроз и потерь привычны и ингерентны культуре современного общества. У нас «грустная культура», мы склонны придерживаться пессимистичных стратегий и исходов действий акторов. К важным угрозам относят риски прерывности коммуникативных действий, связанные с фрагментацией опыта и знаний, методологий и технологий, репрезентаций и дискурсов, коммуникативных практик.

Феномен прерывности связан с разрывом в деятельности акторов, в смысловых характеристиках, в процессе передачи значений. Он может быть исследован с помощью анализа противоположного ему феномена непрерывности. Непрерывной является повседневная реальность с присущими ей структурными феноменами и отношениями. Современность — это непрерывность событийного ряда (частный случай — коммуникативные практики), участниками и очевидцами которой мы являемся. Кажущаяся непрерывность позволяет наблюдать и участвовать в пролонгированных событиях. У акторов возникает иллюзия длительности, определенности и статичности (стабильности и безопасности коммуникативных практик). М. Фуко писал о непрерывности историков: «Вот уже несколько десятилетий внимание историков направлено на периоды большой длительности, словно за политическими перипетиями и их отдельными эпизодами они рассчитывают обнаружить устойчивые и трудноразрушимые равновесия, необратимые процессы, постоянно наблюдаемые факты регуляции; явления, имеющие общую тенденцию, достигающие наивысшей точки и оборачивающиеся вспять после многовекового непрерывного существования; движения накопления и медленного насыщения; огромные неподвижные и немые цоколи, скрытые под толщей событий путаницей традиционных повествований» [4, с. 35].

Непрерывность позволяет найти закономерности разворачивающейся и стремительно развивающейся реальности, реальности управления рисками и коммуникативными практиками. Закономерности усиливают скрепы между рутинизированными практиками и системами отношений, формируют определенность акторов и контекстов их жизни (значимые условия и факторы, оказывающие доминирующее влияние). В реальности проявляют себя

не только дискурсы прерывности, но дискурсы разрыва, границы, фронта. Дискурсы разрыва и различия проработаны Н. Луманом, дискурсы границ ингерентны теории фреймов и фрейм-анализу И. Гофмана. Понятие фронта по отношению к рискам и коммуникативным практикам можно использовать в качестве метафоры, раскрывающей новые исследовательские горизонты. Традиционно под «фронтом» понимают границу между освоенными и неосвоенными поселениями землями. Эффективность управления рисками и коммуникативными практиками во многом обусловлена динамично изменяющимися границами и фронтами между явленными феноменами и скрытыми текстурами.

Современность неупорядочена, сложна, нелинейна, противоречива и отличается особым типом связанности процессов и явлений в условиях темпоральной и информационной неопределенности. Она бросает вызовы акторам, которые принимают участие в управлении рисками и коммуникативными практиками. Задача современных акторов (человека, отдельных организаций) — достойно ответить на эти вызовы [5; 6]. Современное общество столкнулось с совершенно новыми пост-глобальными, пост-сетевыми и пост-информационными вызовами. К важным последствиям этих вызовов можно отнести онтологическую, аксиологическую, гносеологическую и праксеологическую фрагментарность современных коммуникативных практик, антропологическую катастрофу, гносеологический кризис (кризис познания, методологический кризис), отсутствие должного уровня и культуры рефлексии. Актуальность «вызовов» в современной ситуации связана с феноменами длинной турбулентности, нелинейности, открытости, рекурсивности, высокой неопределенности среды, а также высоким уровнем рисков.

Формированию, поддержанию и развитию этих характеристик способствует кризис, формирующий новую системность в процессах управления рисками и коммуникативными практиками. Новая системность современного кризиса проявляется в его пролонгированном характере, охвате всех сфер общественной жизни и социальных отношений с явным доминированием политической сферы. Кризис непредсказуем по своим последствиям, приводит к резким изменениям основных показателей политической, экономической, социальной, технологической и организационно-управленческой жизни. Современный кризис коррелирует с высокими рисками и тяжелыми последствиями социальных действий, с ущербом и потерями. Коммуникативные практики реализуются в условиях кризисных проявлений и становятся менее формализованными, поскольку формальные структуры и социальные институты не работают. Особое значение приобретают неформальные коммуникации, отношения и конвенции. Они становятся политически окрашенными в границах общества и в рамках как отдельных организаций, так и процессов общего и специального управления. Коммуникации протекают в ситуации компрессии времени и стремительно возрастающих темпов социальной жизни акторов. Эффективные коммуникативные практики — это быстрые, короткие и смысловые коммуникации, направленные на достижение результата с четкими индикаторами.

В сложившихся условиях становятся возможными маловероятные события, которые «не могут произойти никогда» («невозможные события» социальной и организационно-управленческой реальности). Эти процессы происходят благодаря способности современных социальных, организационно-управленческих и коммуникативных рисков многократно усиливаться, сопровождая в качестве эпифеноменов социальное и организационное функционирование и развитие. С другой стороны, риски на основе контингентных связей и отношений коррелируют не только между собой, аккумулируя эффекты от различных видов рисков, но и с коммуникативными практиками. Любые коммуникации значительно повышают риски.

Современность не просто противоречива, она проблемно ориентирована. Противоречия современной ситуации не имеют ни малейшего совпадения с полярностью или амбивалентностью. Противоречивость в большей степени связана со смешениями рисков и коммуникативных практик, с многочисленными беспорядками. Онтологическими основаниями функционирования и развития современности являются неопределенность, кризисность, высокая рискогенность, и присутствие коммуникативных практик как трудно уловимых текстур. Эти характеристики присущи современности априори, в силу того, что она является современностью. Они могут быть представлены в явном или латентном виде.

Современность скрывает неявные текстуры процессов управления рисками и коммуникативными практиками. Тогда мы начинаем задаваться вопросом: насколько важны для нас ускользающие, потоковые текстуры практик? Познаваемы ли в принципе риски и коммуникации современности? Какую цену мы платим за познание рисков и коммуникативных практик в аспекте современности? Чтобы ответить на поставленные вопросы, во-первых, необходимо преодолеть академическое предпочтение результатов процессу исследований. Для этого следует отказаться от концепта безопасности в управлении рисками и коммуникативными практиками, осуществить выбор в пользу неопределенностей и неразрешимостей.

Во-вторых, важно исключить симметрию в качестве исследовательского принципа в духе европейско-американской традиции. Традиционные подходы, с опорой на количественные методы исследований, устанавливают четкие правила, алгоритмы и процедуры. На основании установленных правил определяются правильное или неправильное использование тех или иных методов, получаемых результатов и отчетов. Методы и результаты жестко детерминированы: хорошие и правильные методы могут дать верные результаты. Современный исследователь, Дж. Ло пишет: «Если мы хотим понять наши методы, то нам лучше рассматривать их систематически, исследовать их без предварительной оценки их адекватности в терминах наших допущений о том, что методологически правильно, а что — нет» [7, с. 313].

В-третьих, необходимо признать множественность практик, порождающих, в свою очередь, множественные реалии. Истина перестает выполнять роль единственного арбитра в управлении рисками и коммуникативными практиками. Истина перестает быть единственным благом, и мы можем выбирать между желаемым развитием событий.

В-четвертых, в управлении рисками и коммуникативными практиками современности необходимо обладать подвижной рефлексивностью, способностью устанавливать и переустанавливать подвижные границы между явными и неявными, скрытыми и иными текстурами действий и отношений.

В-пятых, важно переосмыслить понятие блага. Каким образом мы можем мыслить релевантно о различных благах — справедливости, духовности, политике, эстетике, вдохновении? Как отрефлексированные блага могут взаимодействовать между собой в рамках управления рисками и коммуникативными практиками?

В-шестых, обратим внимание на «воображаемые объекты» (Дж. Ло) или «кентавр-объекты», «искусственные объекты» (Г.П. Щедровицкий). Объекты (управление рисками и коммуникативными практиками) изменяются от топоса к топосу. Есть различные пространства, связанные с этими объектами, множественные реалити и соответствующие им множественные объекты. Они каждый раз конструируются заново. Управление рисками и коммуникативными практиками нарративно. Нарративы прописываются на основе праксеографии. Седьмой принцип связан с материальностью. Насколько управление рисками и коммуникативными практиками должно быть материально, здесь-присутствующим? Должны ли мы выходить в другие модальности более щедрых и длинных по времени, трудоемких и нарративных, качественных методов? Можем ли мы в управлении рисками и коммуникативными практиками задействовать не только тексты и цифры, но и тела, приборы, здания?

Восьмой принцип управления рисками и коммуникативными практиками современности заключается в том, чтобы открыть окна неопределенности, проявить ее в дискурсах, не ориентироваться на определенные результаты и целевые установки. Стремление к ясности, определенности, безопасности, к низким рискам становится слишком большим сдерживающим ограничением.

На основе девятого принципа «пере-учреждения» можно отказаться от дуализма, переопределить роль активности акторов в управлении рисками и коммуникативными практиками. Активность акторов риска и коммуникативных практик больше не является независимой от современных реалити.

Слишком уж неуволима и изменчива, неустойчива и подвержена различным смешениям современность, в границах которой протекает процесс управления рисками и коммуникативными практиками. Современность не тождественна модусу настоящего. На наш взгляд, недостаточно апеллировать к М. Хайдеггеру и описывать современность через со-бытийность настоящего и со-участие акторов, со-вовлеченность, со-работничество через со-присутствие акторов. По своим текстурам современность близка к потоковым феноменам, трудным для процессов рефлексии, интерпретаций и описаний. Возникает важная проблематика, связанная с несформированностью дискурсов коммуникативных практик для описания современности. Например, сложно описать современность, используя метафору потоковости. В границах этого метафоричного поля современность отличается антропоцентричностью и телеологичностью. В центре современной ситуации «стоит» человек, актер, осуществляющий управление рисками и коммуникативными практиками.

Антропоцентричность в процессе управления рисками и коммуникативными практиками предполагает, что актер «встает» в центр современности или ее отдельного фрагмента и выстраивает ее изнутри, интегрируя в динамично разворачивающуюся реальность свои цели, мотивы, интересы и ценности, позиции и стратегии, риски и коммуникации и другие поля, которые он может порождать бесконечно. Внешнее и внутреннее непрерывно переходят одно в другое и превращаются в трудные различия внутреннего и внешнего. Современный человек (актер) развивает внешнюю реальность через внутреннее и изменяет внутреннее через внешнее. Происходит смешение текстур действий и отношений.

Телеологичность современных акторов предполагает, что актер непрерывно выстраивает цели по управлению рисками и коммуникативными практиками, делает это «без суеты». Важными являются два основных момента. Во-первых, постановка целей — это целостный и сложный процесс, основанием которого является выбор актора, реализующего управление рисками и коммуникативными практиками. Он осознает, формирует и осуществляет выбор того или иного процесса целеполагания. Текстуры выбора сложны по своим этическим и когнитивным основаниям. Главным основанием выбора современного актора выступает темпоральность (временные особенности). Это серьезный «вызов», который актер должен преодолеть. Выбор должен быть произведен «без суеты», что фактически непреодолимо в условиях временной компрессии (насыщенность событиями единицы объективного времени), возрастающих темпов социальной жизни и социальных действий, аритмии и ахронии. Во-вторых, в телеологичности причинно-следственные связи могут быть направлены в обратную сторону (инверсия причин и последствий). Например, если я хочу стать исследователем рисков и коммуникативных практик, то мне необходимо научиться соответствующим подходам, моделям и инструментариям. Но имеют место и обратные причинно-следственные связи: мне нравится исследовать риски и коммуникации с помощью выбранного инструментария из-за того, что я приняла решение исследовать риски и коммуникации.

Важной особенностью современного процесса управления рисками и коммуникативными практиками является способность разворачиваться и изменяться на непрерывных системно-организованных обратных связях. Обратная связь представляет собой сложные навигационные системы с тонкими и точными приборами. Она, с одной стороны, отстраивает от реальности, а с другой — настраивает на следующий этап процесса управления рисками и коммуникативными практиками. Контуры обратной связи тесно связаны с феноменом памяти и воспроизведения тех или иных событий социальной жизни человека (актера). Память выступает в роли основы нового контура обратной связи. Мы можем воспроизвести событие только один раз, что доказано экспериментально когнитивными психологами [8]. Следующий акт воспоминания — это не воспоминание произошедшего события, а «воспоминание воспоминания», то есть следующий контур обратной связи выстраивается не на основании рефлексивного выхода за границы события, а на основе информации, предоставленной первым рефлексивным выходом.

Современность встроена в более широкий контекст исторического развития общества и общественных отношений. Ей присуща включенность в исторические периоды изменения социального знания и практик, связанных с ним. Чтобы не лишиться исторического контекста, необходимо вкладываться в него концептуально, методологически и методически. К тому же необходимо концентрироваться на настоящем, погружаться в него полностью, переживая деятельность на глубинном уровне. Вместе с тем акторам современности важно не только контролировать сиюминутные действия, но и осуществлять выход в более широкие фреймы смыслов: «Необходимо иметь глобальную систему взаимосвязанных жизненных целей, способную придать смысл каждому конкретному делу, которым занимается человек. Если просто переключаться с одного вида деятельности на другой безо всякой связи между ними и без глобальных перспектив, то, скорее всего, оглянувшись назад на прожитую жизнь, вы не обнаружите в ней смысла» [9, с. 320–321].

Современность не просто проблемно ориентирована, она сложная и связанная, нелинейная и открытая, системная и непропорциональная по оказываемым воздействиям на обстоятельства, факторы или условия. Наделяя столь уверенно современность инвариантными и уникальными свойствами или характеристиками, необходимо задаться вопросом: каким образом мы узнаем о них? «В последние два десятилетия приобрели значимость методы анализа визуального материала, перформативные подходы и понимание методов как поэтики или интервенционистского нарратива» [7, с. 15]. Почему процесс познания в современном контексте становится нарративом, рассказом со встроенными структурами субъективного опыта того или иного актора? Каким образом должен быть выстроен этот рассказ, чтобы «включить» риски и коммуникативные практики в сложную и противоречивую реальность? Задача современного исследователя более сложная. Она заключается в том, чтобы не вычленив или выдлив из ткани современной реальности анализа процесс управления рисками и коммуникативными практиками, а напротив — «включить», «встроить», не разрушив важной и необходимой связности с другими феноменами и процессами современности. Возможно ли изменить существующую связность для того, чтобы проанализировать риски и коммуникативные практики в качестве сложных феноменов социальной реальности? Почему нарративы выступают в роли интервенций по отношению к современности и процессу управления?

Управление рисками и коммуникативными практиками не освоено топологически, темпорально, процедурно и организационно. Основными причинами, на наш взгляд являются многообразные коннотации рисков и коммуникативных практик. Не определяются управленческие и другие виды рисков. Выявляются поля рисков (технические, человеческие, политические, экономические), а не конкретные виды рисков, по отношению к которым можно выстраивать и реализовывать управленческие стратегии. Отсутствуют четкие и ясные проекционные матрицы восприятия рисков и коммуникативных практик, рабочих моделей, рекурсивных современным практикам. Риски рассматриваются в соответствии с ментальностью и исследовательской культурой

исключительно в качестве возможных, угроз, потерь, вероятного ущерба от действий. Но есть и другой модус — риски как возможность совершенствования собственных практик. Существование рисков и коммуникативных практик как эпифеноменов социальной деятельности в повседневной реальности усложняет современность и процессы управления. Необходимо ресурсно обеспечивать процесс управления рисками и коммуникативными практиками на различных управленческих уровнях от государственного до местного. Понимание рисков и коммуникативных практик в качестве сложных феноменов социальной и организационной жизни, требует столь же сложных практик управления на основе понимания амбивалентности рисков и коммуникаций [10; 11]. В современности не сформировано четкое понимание динамичных и сложных отношений и взаимосвязей, существующих между рисками и коммуникативными практиками. Важной причиной неэффективного управления рисками и коммуникативными практиками является нерекursивность культуры риска культуре управления коммуникативными практиками и авторитарной культуре управления в России [12, с. 164].

Отметим, что стремление к безопасности и гарантии безопасности не снижают риски, напротив, в значительной степени повышают их, переключая внимание на концепт безопасности и увеличивая финансовые вложения в нее. В это время мы сталкиваемся с «упущенными рисками», поскольку вкладываемся управленчески, психически и экономически в безопасность и определенность. На наш взгляд, безопасность — лишь незначительный, временный фрагмент практического опыта. Нужны новые фреймы, медленные и изменчивые, для управления рисками и безопасностью: «Рискованный и тревожный процесс — понадобятся усилия, чтобы создать реалии и удержать их хоть на момент, в борьбе против потоков и неопределенности вокруг» [7, с. 30]. На стратегии грамотного управления рисками и коммуникативными практиками работает новый метод, требующий картографического описания, — метод картографии. Картография состоит из пяти основных этапов. На первом этапе происходит «наложение мест». Собираются разнообразные нарративы — описания происходящих событий в различных топосах и темпоральностях. Нарративы сравниваются и анализируются на основе веры в единый объект исследований. Мы верим, например, что риски и коммуникативные практики обладают некоторыми инвариантными характеристиками. На втором этапе сведенные вместе нарративы служат для формирования единого, целостного и однородного нарратива. На третьем этапе — проблематизации и структурирования проблемного поля — осуществляются переводы между различными практиками и симптомами рисков и коммуникаций, выявляются основные противоречия управления рисками и коммуникативными практиками. Это этап организации гетерогенных дискурсов для писания рисков и коммуникативных практик. Четвертый этап — это этап иерархии тестов, когда одни диагностические процедуры превалируют над другими, и им отдается предпочтение по степени приоритетности. На пятом, завершающем, этапе выстраиваются рациональные объяснения явных различий процесса управления рисками и коммуникативными практиками.

Таким образом, управление рисками и коммуникативными практиками современности является сложным и нелинейным процессом, рекурсивным особенностям настоящего времени. Этот процесс затрагивает неопределенность, современный кризис общества, а также включает грамотные и системные стратегии управления ими.

Библиографический список

1. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб., 2000.
2. *Федорова А.В.* Риск-менеджмент. М., 2018.
3. *Хоружий С.С.* Современность и эсхатология: Рене Жирар и парадигма спасения в последний миг // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 111–120.
4. *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.
5. Сравнительные политические исследования России и зарубежных стран. М., 2008.
6. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Аполонова. М., 2015.
7. *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015.
8. *Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М., 2017.
9. *Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М., 2015.
10. *Федорова А.В., Хорольцева Е.Б.* Риски рефлексивных коммуникаций в ситуации кризиса // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 3(54). С. 102–110.
11. *Федюнина С.М.* Толерантность в поликультурном обществе XI века: миф или возможность сохранения цивилизации? // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2(47). С. 102–109.
12. Национальные проекты и реформы 2000-х годов: модернизация социальной политики / под ред. Е.Я. Ярской-Смирновой, М.А. Ворона. М., 2009.